

СИНАЙ

К ПОЗНАНИЮ

Нас вел бедуин по пустыне
По зыбким горячим пескам.
К далекой священной вершине,
Где высится старенький храм.
Где вечность застыла на стенах,
А с фресок взирают века.
И где, преклоняя колена,
Молились на всех языках.
Мы шли... Появилось селенье
Пустое, как призрачный страж.
А может, то было виденье,
Обманчивый зыбкий мираж?
А может, то ветер над нами
Куражился, путь закрывал?!
Порой налетал, как цунами,
Скривив свой зловещий оскал.
Но шел проводник бессловесный,
Надвинув шемаг* на глаза.
Ему все тропинки известны,
Понятны ему небеса.
Не раз он по кромке пустыни
Ходил по незримым следам.
К великой синайской святыне,
Где вещано было: «Воздам!»
Он вел нас к святому познанию,
Туда, где немеркнувший свет.
Где чьей-то невидимой дланью
Начертан потомкам завет.

НА ГОРЕ

В вечность смотрят пики гор,
Облака плывут над ними,

За узором вновь узор
Ткут над скалами крутыми.
Им привычно созидать,
Гладью плыть неторопливо.
Облаков небесных рать
Уплывает вдаль лениво.
Наш удел — крутой подъем
К храму истины и света.
Серпантинном вверх идем,
К месту Ветхого Завета.
Тропкой той, что Моисей
Шел за истинным познанием.
Он душой бессмертной всей
Верил в Вечное Сиянье.
Так же верим мы теперь,
Поднимаясь на вершину.
Но не дремлет рядом зверь,
Дышит злобно в наши спины.
А рассвет из тьмы встает!
Крест в лучах сияет ярко.
И поет хвалы народ
Под узорчатую аркой.

ИДЕМ...

Трещали о чем-то сверчки
за час или два до рассвета.
В озерах небес — маячки
светились неоновым цветом.
А путь наш лежал на восток,
где небыль сплетается с былью,
где лунный на скалах цветок
мерцает под звездною пылью.
Незрим он для множества глаз,
нет тропок средь мертвой пустыни.
Но яркий небесный алмаз
нас вел, как волхвов, до святыни.
Здесь были иные миры
и шли друг за другом народы,
несли, как и прежде, дары
с молитвой, летящей под своды.
Молитву и ныне несем,
хоть стали теперь не крылаты.
Идем непростым мы путем —
как в битве шагают солдаты.

* Шемаг, куфия, арафатка — мужской головной платок, популярный в арабских странах.